
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Людмила Авдеева
(г. Москва)

ГОРОД ГЛУПОВ ВСЕ ЕЩЕ СТОИТ
(к 185-летию М. Е. Салтыкова-Щедрина)

Авдеева Людмила Евгеньевна — литературовед, журналист-международник, поэт. Издано более двадцати книг лирики, сборники стихов для детей, научные статьи в академических изданиях. Лауреат и дипломант московских и международных фестивалей и конкурсов. Член СП РФ.

«Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России», — писал великий русский сатирик Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, один из самых ярких обличителей социальных пороков своего времени. Созданные беспощадно-язвительным пером сатирика персонажи и сегодня заставляют задуматься о многом.

М. Е. Щедрин не был обычным бытописателем, злободневным фельетонистом, заурядным народником, как часто фальсифицировали его личность в литературно-критических трудах. Щедрин — это целая эпоха в истории и литературе России, а его творчество — своеобразная сатирическая энциклопедия чиновничьих и бюрократических нравов. Жизнь писателя неразрывно связано с самыми яркими именами отечественной литературы. В 1826 году, в год рождения будущего сатирика, царь Николай I отправил на виселицу и на каторгу в Сибирь участников декабрьского восстания. Но «декабристы разбудили» Герцена, современником которого был Щедрин. Был он и современником Добролюбова, Чернышевского, Белинского. Политические, философские и художественные взгляды писателя-демократа формировались в 40-ые годы XIX века, когда творили Н. Некрасов, Л. Толстой, А. Островский, И. Тургенев, А. Гончаров. И если сам Щедрин был литературным преемником Н. Гоголя, то А. Чехов и М. Горький ощутили уже на себе сильное влияние Щедрина.

Вершиной творчества писателя были 60-ые годы, когда рождалось русское просветительство, стремление передовых людей эпохи к коренным демократическим преобразованиям, к развитию прогрессивной культуры. Критика либерального реформизма, буржуазного соглашательства, приспособленчества интеллигенции к хищническим требованиям капитализма, мерзость мира наживы, чиновничьего произвола, либеральной трусости — все попало в поле зрения писателя-сатирика.

Уже первые детские впечатления стали материалом для будущих книг. Все то негативное, что Щедрин увидел в детстве в собственной семье, ее быт и нравы нашли сатирическое изображение в «Пошехонской старине», резко отличающейся от семейных хроник, созданных Л. Н. Толстым («Детство, отрочество и юность») и С. Аксаковым («Детские годы Багрова-внука»). Произведения Толстого и Аксакова объединяет любовь героев к своему детству, родным, к патриархальному дворянскому быту, а в семье Щедрина царил иная обстановка. Мать писателя Ольга Михайловна Забелина, властная, скупая, с жестким характером, склонная к ростовщичеству, была купчихой по призванию, и, выйдя замуж за дворянина, внесла в дом атмосферу лицемерия и наживы, хотя и сумела сделать семью одной из самых богатых в губернии. Она стала прообразом и Анны Павловны в «Пошехонской старине», и Арины Петровны в «Господах Головлевых». А страшный образ Иудушки Головлева — олицетворения ханжества, лицемерия, слащавого словоблудия, полной беспринципности, аморальности, предательства и двурушничества, как не прискорбно, но в основном был слепком с отца писателя Евграфа Васильевича и старшего брата Дмитрия. И хотя отец писателя был человеком образованным, работал переводчиком, знал иностранную литературу, имел хорошую библиотеку, выписывал журналы, сочинял стихи, но под влиянием жены стал убежденным крепостником. Мать готовила сына к блестящей чиновничьей, бюрократической карьере, видя в нем будущего министра или губернатора. В 1838 году Щедрин стал воспитанником Царскосельского лицея, славного тем, что там учился сам А. С. Пушкин, хотя к этому времени дух лицея был совсем иным. Воспитанники бахвалились богатством отцов, именами, титулами, подхалимничали перед наставниками. Остро, язвительно поданы картины лицейской дресировки будущих министров и губернаторов на страницах рассказов из цикла «Помпадуры и помпадури», «Господа ташкентцы». Кстати, оставивший о себе мрачную память в русской истории министр народного просвещения граф Д. Толстой учился в лицее вместе с М. Щедриным. Но, хотя пушкинские традиции к тому времени в лицее искоренялись, в каждом выпуске был свой литератор, продолжатель пушкинских традиций. В поэзии Михаила Щедрина-лицейста было ощутимо влияние Пушкина, Лермонтова, Гейне, Бенедиктова. Стихи публиковались в журнале «Современник», но позднее писатель от них отрекся, так как уже твердо встал на стезю русской сатиры.

В начале 40-х гг. XIX века Щедрин на литературном вечере у поэта Языкова познакомился с Белинским, который в своих статьях высоко поднял историческое значение русской сатиры, выступал с беспощадной критикой националистической реакционности. После окончания лицея Щедрин становится постоянным участником кружка Петрашевского, окончившего тот же лицей. Среди демократически настроенной передовой молодежи были и «сладкоголосые болтуны», которых ярко и живо изобразил Щедрин в повести «Запутанное дело», в которой общественный строй России был показан в виде огромной людской пирамиды, где в основании находятся самые обездоленные. Цензура усмотрела в повести революционную пропаганду, и в 1848 году писатель был сослан в ссылку в Вятку, что, вероятно, и спасло великого писателя-сатирика от каторги, к которой были приговорены через год петрашевцы.

Вятский период многие биографы Салтыкова-Щедрина вычеркивают из его литературной жизни, так как ничего существенного в эти восемь лет создано не было. Однако, не надо забывать, что писатель, даже когда он не пишет, сознательно или подсознательно собирает материал для своих книг, накапливает опыт, наблюдает. Жизнь Щедрина в ссылке была достаточно насыщена событиями. Уже через три года он дослужился до советника губернского правления, женился на дочери вице-губернатора, стал состоятельным чиновником. Щедрин по роду службы расследовал должностные преступления чиновников, дела о взяточничестве, жалобы крестьян,

хорошо знал быт чиновников и купцов, видел жизнь во всех социальных разрезах, следил за развитием экономики и культуры. Эти наблюдения легли в основу сатирического цикла «Губернские очерки», изданного после возвращения в Петербург. Критику и читателей поразило смелое выступление против произвола помещиков и чиновников. Языком язвительным, полным сарказма и острого юмора были описаны губернаторы и чиновники, вообразившие себя царями и богами в своей губернии, где их власть над простыми людьми была безгранична.

Но в это время и сам писатель получает назначение на должность вице-губернатора сначала в Рязань, а затем в Тверь, где его называют вице-Робеспьером за стремление к справедливости, за требования к чиновникам соблюдать порядок и законность. Сотрудничество вице-губернатора с литературными журналами, и в первую очередь с «Современником», контакты с Чернышевским и Добролюбовым, рассказы, в которых изображается казнокрадство, произвол чиновников, раздражают начальство, и тех, кто узнает себя в сатирических персонажах. Служить становится невозможно и Щедрин уходит в отставку, решив посвятить себя только литературе. К этому времени уже нет в живых Белинского, умирает Добролюбов, арестован Чернышевский. В условиях 60-х годов XIX века, когда все прогрессивное в литературе стало предаваться анафеме, Щедрин берется вести в «Современнике» рубрику «Наша общественная жизнь». Он пишет статьи, обзоры, рецензии, фельетоны, ведет полемику с другими журналами, называвшими его творчество зубоскальством и отвергающими политическую сатиру. В 1866 году «Современник» закрывают, и на долгие 16 лет политической и литературной трибуной для писателя-сатирика становится журнал «Отечественные записки». За 1868—1884 гг. Щедрин создает, кроме упомянутых рассказов и очерков, такие произведения, как «Признаки времени», «Благонамеренные речи», «В среде умеренности и аккуратности», «Современная идиллия» и др. Перед читателем проходит целая галерея сатирических образов русских чиновников «порепорченной» России, высшей бюрократии провинциальной России. С ведением должностей судебных присяжных, земства, городского самоуправления старые взяточники, бравшие открыто взятки и подношения, уступили место новым, образованным, «культурным», берущим тайно. С гневным сарказмом и иронией выписаны губернаторы новой порепорченной волны, еще более хищная бюрократия, грабящая народ и страну. Вот Митенька Козелков — молодой шеголеватый губернатор-бюрократ из тех, кто целыми днями наносит визиты, напропалую лжет, болтает о свободе торговли, порядке, «священном» праве собственности. А вот губернатор Феденька Крогиков, который окружает себя «мерзавцами», заявляя, что именно «мерзавцы необходимы», чтобы приводить «в трепет оторопелых обывателей». И таких «ретивых» начальников в творчестве Щедрина немало.

«Сатирической историей русского общества» называл знаменитый роман-обозрение «История одного города» И. Тургенев. Произведение, ставшее вершиной сатиры Щедрина, автор выдал за найденные архивные материалы летописца, жившего в 18 веке, отведя себе только роль издателя.

Целая галерея градоначальников была назначена правительством в разное время в мифический город Глупов. Всех этих нелепых, жестоких, невежественных, бездушных, злобных, страшных в своей сути механических «кукол», враждебных всему прогрессивному и мыслящему, Щедрин изображает, используя различные приемы сатиры. Беспощадная ирония, гротеск, сочный юмор, карикатура, пародия, реалистическая фантастика раскрывают паразитизм градоначальников города Глупова. Чего стоят только их фамилии и клички, нелепые поступки и законы. Здесь и Органчик — Брудастый, произносящий всего две фразы: «Не потерплю» и «Разорю». По его приказу «хватают и ловят, секут и порют, описывают и продают», и градоначальник Бородавкин, ведущий «войны за просвещение» оловянными солдатиками и внедряющий в быт глуповцев горчицу, и Прыщ, он же Фаршированная голова, начиненная

триюфелями, как символ произвола чиновников, и Угрюм-Бурчеев, как символ деспотического государственного режима. А каков Перехват-Залихватский, упразднивший науки, а Негодяев... Портреты градоначальников, созданные острым пером Щедрина, дают полное представление о власти в городе Глупове и самих жителях. Писатель показал все слои населения города, где есть и свой «бомонд» — аристократия и интеллигенция, и граждане — публика, участвующие в процессиях, посещающие клубы и банкеты, и покорные обыватели. Гениальная сатира Щедрина создает портрет целой социальной группы, раскрывая цветущие махровым цветом в обществе чиновничества мошенничество, душевную глухоту, алчность, эгоизм.

Мифический город Глупов — это живая современность. Город, где процветает коррупция и произвол чиновников, где у власти Удар-Ерыгины и Угрюм-Бурчеевы, где чувствуют себя хозяевами «дикие помещики», хищники банков и бирж, весьма узнаваем. Писатель трезво и сурово оценивает своих персонажей, видя в деятельности земства (чуть не написала Думы) «лужение умывальников».

Враждебная критика называла творчество сатирика зубоскальством, пародией, клеветой на русскую историю, обвиняла в отсутствии патриотизма. Но жизнь показывает, что Щедрин вскрыл хищническую сущность капитализма, его продажность, враждебность к трудящемуся народу. И как мы видим, механизм мздоимства не меняется веками, и «уменьшение количества взяток идет на фоне увеличения их размеров».

Яркие сатирические образы, вышедшие из-под меткого, язвительного пера, не устарели и в наш век. Еще недавно казалось, что галерея этих персонажей осталась в прошлом и будущее, о котором мечтал Щедрин и его современники-литераторы, уже угадывается, становится реальностью. Однако наша повседневная жизнь, сообщения газет и радио, телевизионные программы вызывают желание вновь перечитать злободневные страницы Гоголя и Щедрина, Толстого и Достоевского, и невольно начинаешь сравнивать и анализировать современную жизнь и думать:

*Когда бы Гоголь и Щедрин
Смогли вернуться в этот мир,
Досталось бы чинушам —
Безликим «мертвым душам».
Когда бы Достоевский смог
Младенцев, вдов и стариков
Узнать печаль и слезы,
То на страницы прозы
Легла бы совести печать.
И горько: «Не могу молчать!»
Лев Николаевич Толстой
Сказал бы, встретившись с Москвой.*

Русская сатира не имеет равных в литературах других народов. Рядом с именами русских писателей Фонвизина, Крылова, Грибоедова, Гоголя, зарубежных сатириков Рабле, Мольера, Свифта — яркий сарказм и язвительный юмор Салтыкова-Щедрина занимает одно из достойнейших мест, по-прежнему актуален и свеж. Перечитайте очерки Салтыкова-Щедрина «Культурные люди»! Как узнаваема эта торговая и финансовая «элита», насаждающая свою «новую» культуру в России. Как они быстро обзаводятся своими издательствами, адвокатами, проникают в науку и искусство, рекламируя моду на «красивую западную» жизнь с позолоченными «ватерклозетами». Сколько их, современных Колупаевых и Разуваевых, скупающих имущество и земли, нагло рвущихся к власти. А нынешние Деруновы в богатых шубах с

бриллиантовыми кольцами на жирных пальцах, невежественные, выбивающиеся окольными путями в финансовые тузы, относящие себя к сливкам общества, только потому, что пьют уже не сивуху, а шампанское, покупают женщин и претендуют на власть. А эти адвокаты Балалайкины, готовые защищать преступников за высокие гонорары. А рядом писаки Подхалимовы, подделывающиеся под вкусы власть имущих. Салтыков-Щедрин вскрыл, как нарыв, социально-политическую сущность всех этих новых «культурных» предпринимателей, банкиров, сорвав маски с прогнившего мира чиновников. С презрением изображает великий сатирик интеллигенцию, услужливо прогибающуюся перед властью ради личного комфорта. Не удивительно, что подобные разоблачительные сатирические произведения, даже написанные в какой-то степени «эзоповым» языком, вызвали травлю писателя со стороны властей, цензуры и враждебно настроенных литераторов-журналистов.

Неудивительно, что злопыхательство недругов подорвало здоровье Щедрина, и он надолго уехал лечиться сначала в Германию, затем во Францию, где создал новый цикл сатирических очерков «За рубежом» (1880—1881 гг.), ставших классическим образцом сатиры, раскрывающей суть западноевропейской буржуазной цивилизации. Здесь же появился яркий, весьма современный, гротесковый тип русского «гулящего человека за границей», этакого «дикого» помещика-помпадур, глумливо относящегося к собственной родине и упивающегося западными «прелестями». За рубежом были написаны и «Письма к тетушке». Тетушка была своеобразным символом интеллигенции России. В письмах автор с сарказмом пишет об безыдейности науки, об «уличной литературе», гневно обличает «нравственное растление молодежи», политику лжи, экономику, в которой процветают экономисты типа Грызунова — «ученого комментатора официально дозволенных формул». Создает Щедрин и яркие язвительные образы газетчиков, вскрывая продажность и развращенность прессы на примере ежедневной газетенки с много говорящим названием «Помои», редактируемой гоголевским Ноздревым. Хороши строки, посвященные земцам, которых писатель называет «сеятелями», интересующимися только снабжением друг друга фондами, сидящими «между двумя стульями».

За подобные произведения Щедрин получил ярлык «опасный писатель», а журнал «Отечественные записки» был закрыт и готовился арест великого сатирика. Но это не останавливает писателя. Используя богатую русскую традицию народного юмора и «эзопов язык», Щедрин пишет 29 сказок, имевших огромный успех. Новый жанр политической сказки сочетал фантастику с реальностью. Под масками животных с сарказмом и горькой иронией автор бичевал бескрылую обывательщину, изображал правящие верхи, вплоть до царя. Многие из сказок на памяти старшего поколения: «Медведь на воеводстве», «Игрушечного дела людишки», «Недреманное око», «Праздный разговор», «Орел-меценат», «Премудрый пескарь», «Карась — идеалист», «Коняга».

Завершив свою писательскую деятельность романом хроникой «Пошехонская старина», Щедрин стал писать своеобразное завещание потомкам «Забытые слова», где современность изображалась, как одичавшее заброшенное кладбище. 28 апреля 1889 года великого сатирика не стало. Покоится он на Волковом кладбище в нынешнем Санкт-Петербурге. Своему сыну Щедрин завещал «звание литератора предпочитать всякому другому».

И, действительно, имя литератора, писателя, журналиста обязывает говорить правду. Смелое, умное, сильное слово должно быть энергичным защитником свободы, борцом против зла.

Время не властно над произведениями М. Е. Щедрина. Многие персонажи пережили не только своего создателя, но и свою эпоху. Меткие выражения, имена персонажей, ставшие нарицательными, все еще характеризуют социальные явления современной

жизни. Сатирические персонажи Щедрина еще не стали историческим прошлым и литературным наследием, а остаются нашими современниками. Стоит, жив город Глупов с помпадурками и помпадуршами, с «ретивыми начальниками», с адвокатами Балалайкиными, готовыми за мзду защищать преступников, с омерзительными Иудушками Головлевыми, с пошехонцами, запутавшимися в трех соснах, с карасями-идеалистами... Процветает мошенничество, пустословие, равнодушие, алчность...

*А город Глупов все еще стоит
И ходят рядом с нами помпадурки.
Премудрым нескарем прикинулся Пиит
И Подхалимов – двигатель культуры.
«Не потерплю!» — «органчики» кричат.
И омерзительны Иуды Головлевы.
Россия отодвинулась назад.
Россия, видно, снова нездорова.
Коняга тянет воз, готов упасть.
Карась-идеалист строчит статейки,
И «дикий барин» нынче в ту же масть,
И Балалайкин в поисках лазейки.
Чиновниками полнится страна.
И город Глупов силу набирает.
И не хватает Салтыкова-Щедрина
И Гоголя с Крыловым не хватает.*

Проходят годы, сменяются эпохи, а произведения Щедрина по-прежнему современны. Сатирик показал, как жить нельзя. Но из его же произведений ясно, как жить можно и нужно. О творчестве Щедрина надо вспоминать чаще, читать его и цитировать, чувствуя, сквозь язвительный смех — глубокую грусть, сквозь горечь сарказма — оптимизм, уверенность в творческих силах русского народа. Писатель надеялся, что Иванушки, наконец, поймут, что есть и другие города — Буянов и Умнов, и осознают бессмысленность «глуповской цивилизации». Глубока была вера Щедрина в то, что «честные люди не только пребудут честными, но и победят», ведь недаром неумолимый ход истории сатирик сравнивал с бурной чистой рекой, которая, снесет всю нечисть на своем пути. Так давайте верить в будущее России, ведь и мы «любим Россию до боли сердечной» и не можем «помыслить себя нигде кроме России»!

Нина Попова
(г. Москва)

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Открыв нежно-изумрудную, цвета кедровой смолистой хвои книгу Тамары Булевиц «Тропой Любви», по заповедной этой тропе мы словно проникаем в другую, «не тронутую человеческой вседозволенностью и ненасытностью» Вселенную. Зачин всей книге дает повесть «Фрося-Ефросинья», в которой героиня простыми, обходными, но идущими из самых глубин женского сердца словами рассказывает о своей судьбе и о судьбе всего многочисленного рода Красиных — сибиряков и потомственных казаков, проживших свои жизни с завидным размахом, удачью, в праведных трудах, добывая достаток «мозолистой деревенской и таежной работой, природной сметливостью, деловой хваткой».

Легко и доходчиво пишет Тамара Булевиц о счастливом довоенном детстве Ефросиньи, юности, несостоявшейся любви, рождении дочери, появлении внука. Тяжело, в неустанных заботах, с редкими всполохами счастья проходит ее жизнь. Но, несмотря на тяжелую военную годину, на сбивающие с ног ветра нелегкой, порой очень горькой судьбы, она, как таежное деревце, крепко врастает и держится корнями за родную землю и здоровый нравственный родовой уклад предков. Крепко-накрепко помнит Ефросинья, что «всякой русской душе жить в долг боязно», тем более в долг у своей совести.

Одно из основных мест в повести занимает описание жизненного пути единственного внука Ефросиньи — Павла. На страницах, посвященных ему, читателю откроются прекрасные описания всего, что видит, чувствует и чем живет молодой сибиряк.словно из птичьего гнезда, вылетают волшебные, нежные и невесомые птенцы-слова о расцветающей юной любви Павла и Кати. Прорастают, как крепенькие грибочки, слова о неразрывной кровной связи Павла Красина, наследника многих поколений лесничих, с «разноликой и многоукладной» жизнью сибирской тайги. «Запряженными в одну упряжку несчетными табунами белогривых лошадей» несутся быстрые и резвые строки о несокрушимой мощи Енисея. Емко, радужно и образно описывается «дивная и первозданная» красота Саян.

Через все русло повести одним из героев проходит красавец-кедр, под могучую крону которого Фрося стремится в самые «смутные» и самые светлые минуты жизни, разделяя с ним и беды, и радости: «Добралась до нижних лап кедра, раздвинула их и грудью прижалась к шершавому стволу: «Знай, кедрушка, как оно стучит за двоих. Во мне новая жизнь к свету пробивается».

И кедр, и живущая в мудрой терпеливой Фросиной душе Природа отзываются на каждое слово, мысль, стук сердца и в «закатный день горькой ее судьбушки» спасают от смертного греха. Ведь, если бы неожиданно поднявшийся шквальный неистовый ветер не отбросил Ефросинью к стволу раскачивающегося ревущего кедра, свершила бы она свой праведный суд над «нечистью окаянной» и сожгла бы заживо безмерно любимого внука Павла. Не знала она, горемычная, что Павел не предал

свой род и своих односельчан, не сделался душегубом-бандитом и «никто и никогда не скажет теперь худого слова» о нем.

Жизнь героя повести «Дед Игнат» словно быстрая таежная река — то стремительно несется по крутизне на подъемах, лишь на минутку чуть утихая в низине; то неистово крутится меж бурунов и бьется о пороги и камни, леденея в гремящих клочущих ключах; то выбрасывает свои воды на отмель или «вытягивается перед солнцем синей лентой и рвется ввысь всем нутром своим».

Война забрала у маленького Игнатушки двух старших братьев и сестру. Тяжело больным вернулся с войны отец и совсем недолго прожил, а мама Люба не вынесла потери троих детей и мужа, от тоски и горя умерла. Перед смертью, горя за любимого младшего сыночка, один за другим давала мальчику наказания, как выжить ему в круглом сиротстве. Ох, как пожалел потом Игнат, что не все наказания матери он выполнил!

Но всю жизнь его согревали воспоминания о детстве и родимом гнезде: «Этот отчий уголок Игнат Демин свято пронесет в памяти сердца по жизни, мысленно прикасаясь к своему истоку, набираясь от него сил и ума».

Помыкавшись, набедокурив сполна, помотавшись по свету «словно перекачено поле, без корней и доли», буквально на краю обрыва, с головы до ног в грязи, как в своем вешем сне, остановился Игнат, осознав ошибки. И непомерно тяжело стало его душе от слез, пролитых из-за его беспутства женой Полиной, и стыда, который испытывали дорогие ему люди.

И услышал Игнат крик своей «скукоженной» души и через мучительное «душевное многоборство» сумел все исправить и вернуть самого близкого и любимого человека, свою Полюшку, получив от судьбы неожиданный и нечаянный уже подарок — сына Егора и внука Гришу, о которых он ничего не знал и не ведал.

Повесть читается на одном вдохе, автор написал ее прекрасным образным языком, который имеет «особую сочность и точность», и читатель сбережет в своей памяти «обнимающий все стороны света островок, пульсирующий радостью настоящего человеческого счастья».

Далее в книге следуют рассказы. Искренней тревогой автора за судьбу жителей сотен заброшенных и умирающих деревенок, порушенных колхозов, за бездумно вырубленную тайгу, неудержимое, беспросветное пьянство, отсутствие работы, за творящийся вокруг криминальный беспредел, оскверняющий сложившиеся нравственные устои жизни, пропитаны все строки «Вовкиного горя». С пронзительной жалостью повествуется о загубленной, срезанной, как молочный колосок, жизни сироты Маши Кукушкиной — красивой, скромной и трудолюбивой девушки, насильно увезенной из родного дома, затем брошенной на растерзание бандитской своре. «Замученная, истерзанная, до дна злодейски испитая» Маша вернулась в Ивановку перед самыми родами. И никто не знал «сколько бедняжке пережить пришлось и почему она своего первенца никогда на руки не брала, не целовала, лишь нежно, трогательно и любовно разговаривала с ним. Заразить боялась».

Весь рассказ пульсирует болью страдающей души и надрывается сердце, когда читаешь слова испуганного четырехлетнего мальчика, потерявшего маму:

— Не уходи от меня, мамочка... Я маленький... Как жить стану... Я боюсь...

Но Тамара Булевич не забывает сказать и о щедрых душой, совестливых и дружелюбных людях деревни, которые приняли «в большое ивановское семейство желанным сыном Вовку Кукушкина, внука уважаемых Кукушкиных», а не сына какого-то бандита Трахова.

В ярком, по-весеннему теплом рассказе «Подари медвежаток» нас встречает эвенкийская тайга: «Ее величие, вобравшее суровость древних причудливых скал, таинственность недоступных ущелий, вековой сумрак непроходимых распадков и

бесконечный перезвон мелких безымянных речушек, завораживало, обновляло, укрепляло душу, снимая с нее усталость от долгой северной зимы». А еще нас ждут два хорошеньких, играющих и урчащих от удовольствия, «как Муркины котятки», маленьких медвежонка и пятилетняя девочка Настенька, которая очень хочет стать им мамой...

В «Тажных былях» читатель познакомится с Сергеем Чащиным, эвенкийским охотником, ныне работником буровой. Сергей приезжает на дальнее таежное зимовье, которое они строили вместе с отцом, в канун годовщины гибели отца: «Погиб Василий Чащин, промысловый охотник, в тайге от злой руки человека, его браконьерской пули, а не от злого зверя, с которым прожил свой век бок о бок... Но в душе Сергея живет его повелительный голос предостережением, назиданием и вечным зовом творить добро». Отец был для Сергея «большим миром познаний и добра», примером «справедливости в охотничьих делах». Ведь нелегко найти золотую середину между неуместной жалостью к зверю, из-за которой можешь стать ему же кормом, и слепым кровавым желанием добыть как можно больше добычи, убивая без ума и разбора. Примером такого отношения к миру природы стал никак не забываемый, навсегда проклятый Сергеем день, когда он привез на глухариную охоту двух своих собригадников: «Вскинув ружья и войдя в раж, они устроили настоящую глухариную бойню. При этом ошалело восторгаясь и запихивая самых крупных самцов, окровавленных, убитых и раненых, в припасенные заранее кули...»

Как всегда точные, пикирующие в самое сердце слова автора взрываются сопереживающей болью за бездумное кровавое убийство прекрасной реликтовой птицы, «живущей на земле не одну сотню тысячелетий».

Зная и чувствуя окружающую природу, разумно поступая в случае опасности, Сергей спас от верной гибели двух молодых бурильщиков, заблудившихся в незнакомой и непознанной ими тайге. Ребята уже объявили погибшими и прекратили их поиски, и не было границ радости и счастья матерей, когда они, почерневшие от беды, увидели своих сыновей живыми...

«Тажные были» — еще один бесценный урок правды жизни.

Погрузившись в следующий рассказ Тамары Булевич, название которого подарено имя всей книге, «Тропой Любви», читатель, уже навсегда полюбивший подаренные ему автором таежные раздолья, стремительные сибирские реки, могучий царственный Енисей, красавицу Ангару, рыбную Тунгуску, неповторимые Саяны и трудолюбивый мужественный народ Сибири, откроет для себя много нового в описании жизни малых северных народностей, проживающих в древней Эвенкии.

Людмила, одна из героинь рассказа, происходит из уважаемого знатного рода эвенкийских оленеводов. Несмотря на запрет отца, на его решение выдать ее замуж только за родовитого соплеменника, Людмила убегает из богатого родительского чума с любимым, коренным сибиряком, потомком первых переселенцев-казаков, русским буровиком Дмитрием Амосовым.

Жар-птица Любви, поселившаяся в их сердцах, не дала разлучить Людмилу и Дмитрия ни родовым устоям, ни суровым запретам: «Но трепетно дрожащие, крепко переплетенные руки влюбленных никак не удавалось разъединить. Они то расслаблялись, то вновь сцеплялись намертво, давая себе возможность побыть рядом хоть на минуту дольше».

И счастливы они были вместе, и родились у них мальчишки-близнецы, безмерно любимые ими. Но при преждевременных родах третьего ребенка Людмила умирает. Недоношенный, измученный и обессиленный ребенок чудом уцелел: «Малыш то на мгновение проваливался в тревожный сон, вздрагивал, жалобно всхлипывал, затихал, то снова по-щенячьи взвизгивал, плакал, словно опротестовывал свое насильственное появление на белый свет без мамы...»

Дмитрий уволился с буровой, чтобы стать детям и мамой, и папой. Охотник, кузнец, он приучал сыновей к труду и тайге, и строго требовал соблюдать лесные заповеди: «Понапрасну — не губи!», «Беззащитным — не вреди!», «На дармовое — не жадничай!», на деле показывая, «как следует жить в таежном мире». Трогательны и вызывают добрую улыбку страницы, повествующие о спасенном Дмитрием маленьком лосенке Вальке, по нелепой случайности отбившемся от матери. Примером доброго ответа Природы на проявленные человеком заботу и помощь звучат строки воспоминания младшего сына о встрече на узкой лесной тропе выросшего под два метра ростом и весом около полтонны, лося Вальки и Дмитрия Амосова:

«Отец остановился в десяти шагах от могучего красавца. Протянув к нему руки, тихо позвал: «Валька! Валька». И тут же, вздыбив капюшными известняковую пыль, молодой лось ринулся к своему спасителю... Добродушно хоркал, сопел, хукал, как в лосячем детстве, осторожно прижимаясь к родному существу торсом. Потом подошел вплотную. Стал лизать лопастым, розовым языком старенькую фуфайку, лицо и руки отца... Отец дрожащими ладонями гладил доверчивую, тычущуюся в него Валькину морду, ласково трепал за длинные уши... Так вот они долго и близко общались, оба довольные и счастливые от неожиданной встречи, хорошо понимая друг друга и разговаривая на языке идущих от сердца звуков и телодвижений...»

И встает эта трогательная картина встречи перед глазами, и также хочется протянуть руку и погладить теплые длинные шелковистые лосиные уши.

Дмитрий погиб в тайге от шальной пули ненасытного браконьера-нелюдя.

Завершается книга дневниковыми записями «Вечный и молодой Байкал», которые позволят нам вместе с автором в компании известных всему миру людей, участников международного некоммерческого проекта NEO по защите и оздоровлению нашей планеты, отправиться в необыкновенное путешествие и посмотреть «кадры быстрого широкоформатного кино удивительного Прибайкалья»; с пристани, «где в огромной каменной чаше алмазными ожерельями волн нас приветствует, плещет Байкал», на пароме доплыть до острова Ольхон — жемчужины и сердца Байкала.

И увидеть проникающим в самую глубь пластов времени взглядом автора этот таинственный остров, который признан обиталищем грозных духов Байкала и сакральным центром северного шаманского мира, и разбить палаточный городок под звездным небом в урочище Узуры, и побывать в Бургузинском заповеднике...

В течении десяти долгих вечеров у смолистого дымка костров мы «делились самыми сокровенными мыслями, сопереживали проблемам родной матушки-Земли, слушали тревожные всплески-вздохи Байкала, опечаленного предчувствием вторжения золото-нефте-газодобытчиков и целлюлозно-бумажного комбината в его глубокие, чистые воды».

Верная своей тревоге за будущее нашей планеты, Тамара Булевич напоминает всем о многих бедах Земли от безжалостной человеческой деятельности и о том, что «живая природа острова давно кричит о защите».

Вот и закрыла я последнюю страницу книги, которую читала «скорее душой, чем глазами». Талантливым, «говорящим» пером Тамара Булевич открыла читателю волшебный мир сибирской природы, рассказала о жизни людей в этом суровом, но богатом дарами природы краю, и щедро поделилась всей многогранностью своего таланта, знаний и любви к этому миру. В добрый путь по страницам доброй, яркой, самобытной и очень своевременной книги!

Александр Хадарцев
(г. Тула)

ГРАНИ ТАЛАНТА*

Когда питерский профессор Анатолий Несмеянов переслал мне по почте в подарок книгу Юргиса Бредикиса «На грани», я решил было отложить ее прочтение, как говорится, «до лучших времен».

Ведь известность Бредикиса как основоположника электрокардиостимуляции в СССР и Восточной Европе, блестящего кардиохирурга, академика РАМН и академии Литвы, доктора медицинских наук, профессора, заслуженного деятеля науки, лауреата Государственной премии СССР и Литвы, премии им. Бакулева — не вызывает сомнений. Значима и его многополярная общественная и государственная деятельность, как члена различных международных организаций, министра здравоохранения Литвы, посла в Турции, Чехии, Венгрии.

Но вот его литературное творчество, ранее мне неведомое, хоть и стала открытием, но вызвало обычное в таких случаях ощущение чего-то не очень понятного. А не обычное ли это увлечение «писательством», настаивающее большинство врачей, которые хотят стать «инженерами человеческих душ», посвятив многие лета инженерии человеческих тел? И тогда я открыл книгу.

Издательством «Сантара» осуществлен перевод около трехсот страниц текста в 2011 г., через два года после выхода в свет литовского варианта. Это уже интересно! Творчеством литераторов из Литвы российский читатель не избалован. Кто же инициировал выпуск русскоязычного варианта книги? На второй странице, после нескольких строк краткого предисловия — подпись: Владимир Романов, владелец клуба «Жальгирис». Теперь все стало на свои места. Баскетбольный клуб, почти всех игроков которого наше поколение знало не понаслышке. Литовские баскетболисты играли и за сборную СССР, и за многие зарубежные клубы. Одно имя Арвидаса Сабониса, чемпиона олимпийских игр, мира и Европы — пример незабываемой баскетбольной легенды! Случилось так, что, не поспав часа 2—3, я прочитал книгу от переплета до переплета.

Судить о литературных достоинствах или недостатках того или иного произведения по переводным изданиям всегда трудно, поскольку языковые нюансы зачастую не переводимы. Пусть их оценкой занимаются литературные критики. Зато хронологическое изложение судьбы баскетболиста Зенаса Сякмокаса погружает читателя в особое состояние сопричастности к событиям и судьбам героев книги. Сложные вопросы вра-

* На грани / Юргис Бредикис.— Вильнюс: Santara, 2011.— 280 с.— (Kulturos zurnalo «Santara» biblioteka; kn. 202)

чебной этики и деонтологии, специальные медицинские и нравственные проблемы большого спорта,— преподносятся автором по бытовому просто и доступно.

Им описывается, казалось бы, стандартная биографическая череда времен: детство, отрочество, юность. Воспитание в детском доме, затем — школа. Первые победы и поражения. Противостояние Рыжему, драка с ним. Узнаваемы знакомые с детства ситуации, когда самоутверждение достигается преодолением. И не только обстоятельств, но и самого себя. Силовые тренировки с использованием куска рельса — развитие силы тела, посещение библиотеки — духовное совершенствование. Первые соревнования, перевес над Рыжим. Первая женщина. Первый тренер Лауринас, направлявший молодого спортсмена, прививший ему значимость сознательного отношения к спорту, приоритет «головы» над «телом». Поступление в техникум, интенсивные тренировки, здоровый образ жизни. Все это в восьмидесятих годах прошлого века. Начало занятий баскетболом. Формирование понятия коллективизма и персональной ответственности. Воспитание благородства на примере Альгирдаса Шоцикаса — знаменитого литовского боксера тяжеловеса. Через все главы прослеживающаяся конкуренция двух суперкоманд советского баскетбола: «Жальгириса» и ЦСКА. Череда имен: Сабонис, Куртинайтис, Йовайша, Паулаускас, представлявших Литву на европейском и мировом уровне. Женитьба на Дале и разрыв с ней. Постоянное стремление играть в «Жальгирисе» и осуществление этого желания. Поездки за рубеж. Учеба в Каунасском институте физкультуры. Девяностые годы. Отношение автора к самоопределению Литвы. Жизнь соседа Гянулиса (врача, интересующегося эффектом Кирлиана, другими видами лучевой диагностики, рентгенолога, работавшего в Чернобыле, во ВТЭК, ушедшего на пенсию по собственному желанию после того, как его подставили в корыстных целях сослуживцы). Рассуждения о роли допинга в спорте. Встреча с Сауле и Викторией Смильгите. Через Вику Смильгите раскрываются проблемы спортивной медицины, необходимости ранней диагностики и принятия управленческих решений (сгонка веса перед соревнованиями, смерти на кроссе, особо травматические виды спорта — лыжный фристайл, скейтбординг, бои без правил, бокс — посттравматическая энцефалопатия, на примере Мохаммеда Али). Возвращение Валентинаса — конкурента Зенаса за руку и сердце Вики, в конце концов порвавшей отношения с Валентинасом. Ответственность Вики, ее поездка в США для повышения квалификации. Значение реабилитации в спорте, применение адаптогенов, энергоинформационные подходы, биорезонансные воздействия — основа представлений Вики о необходимости предотвращения дискредитации большого спорта. Отрицание Зенасом рекомендованного Викой отказа от соревнований по состоянию здоровья. Падение его в результате кратковременной потери сознания из-за нарушения ритма сердца на баскетбольной площадке. Травма головы и позвоночника при падении с кровоизлияниями в спинной мозг. Операция на позвоночнике. Длительное лечение и реабилитация. Адаптация к обычной жизни без привычного тренировочного и соревновательного режима.

Наконец, занятия питербаскетом! Автор этого вида спорта, доступного для инвалидов и детей, пожилых и стариков — профессор Анатолий Несмеянов. Тот самый, который подарил мне эту книгу-исповедь, книгу-наставление — книгу надежды. Игра на 3 кольца, которые устанавливаются на любой высоте — не просто забава. Это серьезный вид спорта, несомненно, имеющий олимпийское будущее. Это не травматическая коллективная игра, не требующая чрезмерного финансового обеспечения. Это и паралимпийская надежда. Профессором Несмеяновым был предложен также айспитербаскет — игра на льду, возможно проведение соревнований на песке и пр. Не случайно Юргис Бредикис, как мудрый врач и психолог, посвятил много страниц этому виду спорта, который вернул к активной спортивной жизни главного героя книги — Зенаса. Девизом, целеустремленным в будущее, звучит последняя строка книги человекаведа Бредикиса: «Жизнь продолжается!»

ЗАВЕТЫ ТОЛСТОГО — ЗАВЕТЫ ХРИСТА

В прошедшем 2010 году во всем мире и прежде всего в России отмечалось столетие смерти великого русского писателя Льва Николаевича Толстого.

Среди множества публикаций надо отметить выпущенную в Туле книгу Сергея Норильского* «При свете Христа и Толстого. Размышления о прошлом, нынешнем и будущем человеке». Тула, «Гриф и К», 2010.

Хотя эта работа и не претендует на роль исследования творчества Толстого — философа и художника, в ней есть замечательные страницы, посвященные анализу некоторых художественных произведений, прежде всего драмы «И свет во тьме светит». Цель книги — попытка свести концы с концами в учении яснополянского проповедника о нравственном совершенствовании человека.

Все усилия философов и литературоведов по сей день не привели к ответу на многочисленные вопросы, стоящие на пути исследования творчества Льва Николаевича. Как сторонники, так и противники не привели убедительных доказательств реальной ценности учения, его жизненности в практическом применении.

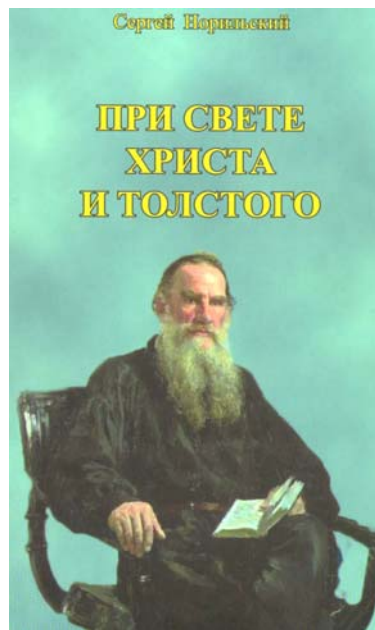
Вот уже полтора столетия кипят страсти вокруг того, возможно ли по Толстому устроить человеческую жизнь без насилия, только на принципах любви и согласия. Лев Николаевич был в этом абсолютно убежден и приложил все свои старания как философ и художник слова, чтобы убедить читателей своих книг.

Сложность вопроса в том, что практика жизни яростно противоречит принципам ненасилия и любви. В невозможности соединить заветы Толстого с реалиями жизни пытаются убедить человечество не только светские критики яснополянского учителя, но и верующие христиане, возглавляемые церковью.

Все, что происходило и происходит в мире за всю историю человечества, включая и две тысячи лет после Иисуса Христа, свидетельствует, что заветы его остаются если не утопией, то лишь идеалом, к которому можно стремиться, но достичь невозможно.

Церковь, правда, старается убедить своих сторонников, будто это вполне достижимо; но ее собственная история показывает: все усилия верующих христиан жить по заветам галилейского пророка не привели к коренным результатам.

Как убивали люди друг друга с самого своего зарождения, так и убивают по сей день. Как воевали народы между собой за земные богатства, территории и даже за про-

* Сергей Норильский (Сергей Львович Щеглов) — старейший журналист Тульской области (с 1959 г.). Член Союза Российских писателей. Дважды Лауреат Журналистской премии им. Глеба Успенского (1999 и 2003 г.г.), литературной премии Льва Толстого (2000 г.).

Награжден: Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР (1970 г.). Двумя Бронзовыми медалями ВДНХ СССР (№ 121, январь 1977 г. и № 64143, декабрь 1980 г.). Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.г.» (1991 г.) и другими.

Постоянный автор журналов «Московский Парнас» и «Приокские зори».

19 сентября 2011 года отметил свое славное девяностолетие.

поведуемые религии, так и воюют до сих пор. И все религии, включая христианскую, всегда поддерживали и поддерживают войны и оправдывают их заветами богов.

Так будет вечно, утверждают многие, это заложено в самом существе человека.

Автор книги «При свете Христа и Толстого» вложил свои размышления в уста трех собеседников: Пессимиста, Оптимиста и Скептика-оптимиста. Каждый из них приводит доводы в защиту своих взглядов.

Пессимист утверждает, что мировое зло неискоренимо, заложено в природе человека, как самого жестокого из животных, и все рассуждения о том, что надо стремиться жить по законам любви и ненасилия, есть ханжество бесполезная ширма, целенаправленная ложь, за которой творятся любые преступления и жестокости.

Пессимисту возражает Оптимист, убежденный в справедливости и достижимости заветов Христа и Толстого, возможности перестроить человеческие отношения в соответствии с ними.

Третий собеседник, Скептик-Оптимист, считает убеждения оппонентов крайностями и призывает действовать, учитывая реалии жизни, но неуклонно придерживаясь заветов Христа и Толстого. Он готов даже скорректировать некоторые моменты в учении, исключить то, что недостижимо или явилось искажением заповедей Христа учениками и последователями. (Толстой, как известно, доказывал, что главным искажителем истинного учения Христа был апостол Павел, привнесший в учение галилейского проповедника несвойственные ему жесткость и догматизм).

Скептик-Оптимист стоит за дальнейшее развитие учения Христа на основе научных принципов, соединяет науку и веру, призывая следовать науке, как движущей силе развития человечества и нравственного совершенствования человека.

Таково содержание главной части «Между тьмой и светом».

Сопоставление доводов всех трех собеседников позволяет автору книги в какой-то мере приблизиться к истине. Но, опять-таки, он не убежден, что истина достижима.

Этому посвящены два последующих раздела, которые называются: «В поисках утраченного согласия» и «Безумцы и здравомыслящие или Сколько на свете правд?»

Неизменной остается убежденность автора в том, что путь нравственного совершенствования людей единственный, способный перестроить человеческие отношения на планете Земля.

Автор уверен, что так и будет несмотря ни на какие отклонения. Человечество идет по этому пути. Разум, заложенный в природе человека, является главным и мощным светочем движения от дикости к истинно-человеческому периоду истории. Иначе — прав Пессимист — участь библейских Содома и Гоморры: вырождение и гибель...

Сергей Норильский (Сергей Львович Щеглов)

Литература:

1. *Айхенвальд Ю. И.* Лев Толстой.— М. 1920 год.
2. *Леонов Л. М.* Слово о Толстом.— Речь, произнесенная 19 ноября 1960 г. в Большом театре СССР на торжественном заседании, посвященном 50-летию со дня смерти Толстого.
3. *Мейлах Б. С.* Уход и смерть Льва Толстого. Изд. 2-е. М.: Худож. лит., 1979 г. 384 с.
4. *Окуджава Б. Ш.* Похождение Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие. М.: Дружба народов, 1992 г. 224 с.
5. *Басинский П.* Лев Толстой. Бегство из рая. М.: 2010 г.
6. «Толстовский выпуск» журнала «Приокские зори» (№ 4, 2010 г.).

Марина Баланюк
(г. Тула)

Татьяна Афанасьева
(г. Тула)

ПО СТОПАМ ГЛЕБА УСПЕНСКОГО

Писать художественные произведения Олег Каширин начал давно, сочетая основную работу и литературное творчество. Первая публикация — повесть «Обреченная миссия» в сборнике «Тревожные будни» (1985 г.). Роман «Последний рейс Дракона» вышел в 1992 году.

Бегство белогвардейцев из Новороссийска, голод двадцатых, жестокий промысел на дельфинов, война, гибель линкора «Новороссийск», экспедиция к берегам Индии в советское время — череда масштабных исторических событий предстает перед читателем с первых строк романа.

Талант художника слова виден сразу. Вместе с героями окунаешься в художественную реальность, основанную на знании истории, действительных событий. И, что особенно важно, судьбы героев в историческом контексте не искажены какими-либо субъективными пристрастиями автора. Он ведет «выверенный курс» на максимальную достоверность повествования. И хотя автор назвал свое произведение романом, этот роман очень похож на повесть и даже документальную — в нем изобилуют конкретные исторические факты, а герои отнюдь не романтики по своей натуре. Они живут в суровой реальности довоенного и военного времени, и чувствуется, что эпизоды их жизни списаны с простых, не титульных героев советской эпохи. Этот первый роман автора был замечен маститыми российскими писателями, и О. Каширин решением Правления Союза писателей России был принят в его члены в 1998 году.

Переходя от одного эпизода повествования к другому в массе подробностей подчас не видно душевного состояния героев, их чувств и переживаний. По образованию О. С. Каширин историк. Основательное знание истории и желание достичь максимальной достоверности в романе-повести, наверное, и привели к некоторому переходу в сторону изложения массы исторических событий в ущерб развитию характеров героев. Но не будем забывать, что это был первый роман автора, общая высокая эрудиция которого не вызывает сомнений.

И даже, возможно, именно эти приключения героев с первых и до последних страниц произведения захватывают читателя и не отпускают до последней точки автора, составляют особую изюминку романа. Этот роман-повесть — образец добротного произведения эпохи соцреализма, так упорно оплевываемого нынешними «маститыми» бытописателями криминала и порнографии. На повестях и романах, подобных «Последнему рейсу Дракона», можно учить подрастающее поколение неискаженной истории нашего государства, потому что прочитав такой небольшой по объему роман, узнаешь очень многое из истории нашей страны описываемого периода.

И возникает странное чувство ностальгии по простым хорошим людям, которые, несмотря на тяжелые испытания (войны, разруху, репрессии), жили чувством коллективизма, веры в светлое справедливое будущее страны, боролись против бюрократизма, личного произвола и самодурства, были верны стране и народу.

Как же так получилось, что на смену тем поколениям в основной массе несильно грамотных людей пришла молодежь 90-х и начала 21 века? Вопрос этот назревает сам по себе, хотя автор вроде бы и не ставит его в открытую. Многое осталось недосказанным с последней точкой писателя. За первым романом последовали сборник прозы «Не забывайте Герострата» и повесть «КГБ как КГБ», отмеченная дипломом конкурса ФСБ России за 2007 год. И вновь это повесть основана на реальных событиях, вплетенных в вымышленную нить повествования.

Напрашивается вопрос: почему мы вспомнили о первом романе автора, когда за его плечами много других интересных произведений? Как матери дорого ее дитя, так и писателю, конечно, особенно дорого первое произведение, рожденное в муках творчества, на базе богатейшего исторического материала и биографии своих родственников, моряков Новороссийска. Продолжением романа стала повесть «На траверзе мыса Дооб», составившая вместе с «Последним рейсом Дракона» диологию со звучным названием «Черноморский реквием». Боцман Плащов и капитан Ильин — главные действующие лица, перешедшие из романа в повесть, характеры их выписаны в повести более рельефно, как будто сама жизнь их «отточила».

И хотя ранее отмечалось, что в романе автор уходит от прямых политических оценок исторических событий, одно только название дилогии говорит о том, что творится в душе писателя, когда он прикасается к описанию признаков нашей общей беды — развалу великой державы, сопровождавшемуся техногенными катастрофами и политическими просчетами руководства страны. В повести автор смело дает оценки всем «перестройщикам» истории нашего государства. И в этом качестве О. С. Каширин является одним из немногих среди тульских писателей, идущих по пути тульского классика 19 века Глеба Успенского.

«Быстро, очень быстро все забудут Брежнева, Горбачева, Ельцина... Пружинная сжатость нашего бытия уже это подтверждает, и выбросила временщиков на полагающееся им место в истории. В памяти остаются настоящие человеческие характеры» (О. Каширин). Таково мнение автора, и он свободен в своей исторической оценке — в том и прелесть свободы художника слова. Но, к сожалению, невзирая на преследующие нашу страну трагедии, одну за одной на коротком историческом отрезке, никак не меняется курс «перестройки», заданный еще «Горби», — максимально уничтожить все русское, самобытное, развалить собственную промышленность страны, заменив ее «филиалами по сборке» иностранных компаний. А народ молчит, «заснув» на обочине истории.

Что тому стало основной причиной? Почему политику государства все больше определяют люди, чьи пламенные патриотические речи никак не совпадают с их реальными действиями по тотальной распродаже предприятий и недр страны?

Описанный в дилогии случай 1930 года с реализацией капитаном Ильиным продуктов полуголодным людям в Архангельске и последовавшее за ним дело «О расхищении соц. собственности» своим прототипом имел, безусловно, реальную основу. Это началось давно: давление бюрократии и хапуг «сверху» и беззащитность простых людей. Да, это было в эпоху «сталинизма», но разве этого не было при царях, разве не писали об истинных нравах общества великие русские писатели? Ныне прославляют 1913 год, когда Россия собрала рекордный урожай зерна и продавала его за границу, но разве были сыты тогда русские крестьяне?

Среди нынешних «историографов» почти нет честных людей, неискаженно трактующих исторические факты. Сильной стороной таланта О. Каширина, как уже говорилось выше, является доскональное знание истории страны, да и в целом мировой истории, и честное изложение фактов. С интересом прочтут дилогию «Черноморский реквием» и взрослые, и подростки, любой найдет для себя что-то, что его особенно заинтересует.

Лейтмотивом дилогии стало пробуждение человеческой совести в критической ситуации. Неслучайно у автора в душе живой нитью во второй части дилогии соединились две катастрофы: гибель линкора «Новороссийск» и пассажирского парохода «Адмирал Нахимов» в бухте Новороссийска. Из основанного на свидетельствах очевидцев описания поведения спасательных команд в двух случаях прослеживается человеческая деградация вроде бы благополучных 80-х годов, вылившаяся в тотальную катастрофу российской нравственности начала 21 века.

«...Капитан порта срочно просил соединить его с Москвой, чтобы доложить об аварии по инстанции, а некая телефонистка ответила хамством и грубостью... А таксист, отказавшийся в ту ночь доставить начальника Новороссийской службы спасения к месту службы... А гаишник? Остановил транспорт, спешивший со специалистами, прибывшими в Анапу на ликвидацию последствий аварии, и родственниками погибших...» (О. Каширин). Поведение помощника капитана «Адмирала Нахимова» Просвирина как будто списано с блокбастеров последующих лет, но это, к сожалению, невыдуманный рассказ: «герой», спасая свою жизнь и деньги, перемахнул через борт парохода, крикнув при этом бортпроводницам: «Делайте, что хотите!», а потом кочевал по больницам, скрываясь от следователей (наверное, откупался — Т. А.). Такого поведения в 50—60-гг. в стране Советов просто не могло быть. Последовало бы самое жесткое наказание.

Мы удивляемся: откуда берутся подлость, предательство, взяточничество? Да они всегда есть в человеческой натуре, но только определенный общественный строй, жесткое соблюдение законов сдерживают их проявление. Только главенствующая в обществе мораль нацеливает большинство на общее благо, на совместное построение будущего страны.

Скупое и вроде бы бесстрастное изложение трагического столкновения парохода «Адмирал Нахимов» и сухогруза «Петр Васев» захватывает с первых строк. Удивительно, но то, чего вроде бы не хватало в первой части дилогии — яркости характеров героев, их душевных переживаний, как будто и не требуется. «Впереди заревом светился Новороссийск. Пароход терялся в этих огнях. Зубюк его обнаружил, когда в 23-00 вышел на левое крыло, чтобы снять пеленг на Дообский маяк. Суда разделяли всего 4 мили, но капитан невозмутимо продолжал покручивать ручки настройки прибора расхождения судов... С парохода запросили: застопорили ли на «Васеве» машину? Через 2 минуты в машинное отделение последовала запоздалая команда «средний задний» и сразу же «задний полный»... К ним (сухогрузу), приближалось судно с сотнями огней. Доносилась музыка, люди танцевали, гуляли по палубам. Они с любопытством смотрели на приближающийся к ним балкер, затем их лица застыли в недоумении, и затем ужас охватил их...»

Сама ситуация характеризует участников событий. Катастрофа, разлад произошли ранее, «в головах» участников событий, да и всего общества. События описаны минимальным количеством эпитетов, да иного и не требуется. Талант писателя выкристаллизовался. В первой части дилогии он явно в стороне от событий, не чувствуешь его присутствия, а во второй части сострадающая душа автора присутствует в каждом эпизоде, несколько об этом не заявляя.

Хочется пожелать О. С. Каширину не останавливаться на достигнутом и творить... творить. Он может еще много преподнести тульскому читателю невыдуманных историй, поучительных в нравственном и историческом контекстах, недаром он ученик Глеба Паншина.

Много было несправедливости в годы Советской власти: бюрократизма, ханжества, лицемерия. Но основные принципы оставались незыблемыми: равенство людей, обеспечение права на труд, отдых, пенсию, жилище, бесплатное лечение и образование. А что осталось на сегодня от этих завоеванных в кровавой борьбе прав?

Вот на такие бури эмоций настраивает не слишком толстая по объему, но масштабная по событиям диалогия О. С. Каширина. «Лживая трескотня с трибун («брежневского периода» — Т. А.) порождала в народе равнодушие и неверие в справедливость» — так описывает Каширин состояние общества конца 70-х — начала 80-х гг. А если посмотреть на сегодняшние дни? Неужели стало больше правды в речах политиков, а народ «проснулся» от спячки?

Много ли на земле тульской на сегодня таких писателей, как О. С. Каширин, искренне болеющего всеми бедами нашего народа? Во всяком случае, он один из немногих, кто последовательно идет по стопам классика 19 века, писателя и публициста Глеба Успенского.

БОЛЬ ЗА ВСЕ И ЛЮБОВЬ НЕРАЗДЕЛИМЫ

В отличие от множества наводнивших полки книжных магазинов и библиотек гламурных романов, «мыльных» книго-сериалов, бесконечных детективов и «дамских» — и по содержанию, и по размеру, так как удобно помещаются в сумочку — повествований, оторванных от реальности фантазий и упрятанных под цветастую завлекающую обложку переплетений ужаса, насилия, крови, порнографии и пошлости (этот список можно продолжать и продолжать) роман известного русского писателя Алексея Яшина «Сны и явь полковника Хмурова» представляет широкий и глубокий срез современной жизни, выражаясь техническим языком, наилучшим образом выбранное сечение, дающее емкое представление о яви некоего города Тулуповска. Удачно выбранная форма романа, где события, происходящие в реальности сменяются снами (ведь сны — это отражения той же реальности) позволяет автору через своих главных героев, являющихся в сумме его альтер-эго, выразить как сознательное, так и подсознательное отношение ко многим вопросам и явлениям. И это очень важно, так как среди литературного «болота» должны же быть хотя бы небольшие участки твердой почвы — произведения, созданные в духе нового русского критического реализма, основной целью которого является очеловечивание человека и его деятельности в условиях все продолжающегося жесткого и жестокого глобализма. Вот такой твердой почвой и является предлагаемый читателю роман А. А. Яшина.

Подзаголовок романа — «Педагогическая поэма в 3-х частях» — говорит не только о том, что книга повествует о работе педагогов, а конкретно о работе и быте профессорско-преподавательского состава провинциального университета, представителем которого является автор, сам дважды доктор наук и профессор, но и о педагогическом воздействии правды на сознание читателя, ибо что сильнее и лучше правды может на что-то повлиять и что-то изменить. Зеркало можно выбросить или разбить, но от этого внешность лучше не станет. Зеркало можно выбросить или разбить, но от этого внешность лучше не станет. И еще, почему педагогическая? Главные герои, оставаясь людьми со всеми их большими и малыми недостатками, научают главному — необходимости глубокой порядочности, честности, профессионализма, любви к людям, к своим родным местам, начиная со двора, с улицы; любви к неотъемлемым корням жизни и человеческого существа — родителям, своему роду; научают любви к России и патриотизму и святой боли (боль и любовь очень взаимосвязаны) за все большие и малые неустроенности, недостатки и несправедливости нашей современной жизни.

Много страниц романа посвящено положению дел в образовании города Тулуповска. Так называемый «болонский процесс» и многие другие «новшества» превратили некогда лучшее образование непонятно во что. Хорошее не должно становиться хуже, всякие изменения должны вести только к улучшению. А на деле двухуровневое образование «Николай Андреевич с морской прямокой определял это так: «Первый уровень не дотягивает до советского техникума, а второй — вытягивает деньги у родителей студентов». И это в то время, когда в старом образовании были полностью реализованы два права — право преподавать и право получать знания. И какая тяга была к получению именно знаний! Вот и хочется вместе с автором снова сказать — хорошее должно становиться лучше, а не хуже!

Поэтому герои — преподаватели университета внутренне беззлобно и с юмором ополчаются на этот непонятный им «болонский процесс», что и аккумулируется во снах полковника Хмурова. Следует особо отметить этот замечательный ход автора, когда в жанре сна добровольческая армия Тулуповского университета идет походом против защитников Болонского университета, самих одурманенных этим «процессом», в том числе и ради спасения их самих.

Но не только «болонский процесс» разрушает образование. Это делают и сами

тулуповцы, выбирая жизненные приоритеты, цели, ориентацию своего жизненного движения. Из этого складывается общественное отношение к образованию и, соответственно, деятельность властимущих в этой области. Что еще может лучше характеризовать последнее, чем зарплаты профессоров и доцентов, преподавателей и учителей в школах, которые не превышают, а иногда и меньше зарплат дворников и кондукторов на транспорте.

«Зачем профессорам и доцентам за зарплату — пособие по безработице из кожи вон лезть, вдалбливая в малоспособные головы тонкости наук? Все одно в стране инженеры никому не нужны... — говорит доцент-патриот с медико-физкультурного Язвишин.— ...Сам понимаешь, на наши технические и все прочие специальности большинство ребят идет от армии косить, а девок родители пристраивают: чтобы в проститутки-содержанки с юности не подались, а диплом получают — уже поздно: некондиция, перестарки!.. И далее и те, и другие думают, как бы после окончания вуза устроиться в самое зашибительное по деньгам место...» Об этом же и сон, где наилучшим образом проявляются желания студента-медика Димки — как можно меньше лечить и как можно больше зарабатывать, то есть брать за «лечение», а будет ли оно, это самое лечение, и не важно, главное, брать... Апофеозом сна явилось исцеление нефтяного эмира одним прикосновением руки (и никаких знаний!) и получение за это чека с большим количеством нулей. Да вот незадача, налетел ветер, и улетел этот чек из рук незадачливого «миллионера» (конечно, долларового!). Сон этот приснился Димке на лекции, поэтому сокурсники могли лицезреть его, «съехавшего со скамьи, засунувшего голову под крышку парты и что-то суетливо ловившего на полу, прихлопывая обеими ладонями...»

Что ищет большинство нынешних молодых людей в вузах? — Будущие деньги, деньги и только деньги (и если мало — не брать!) — спрашивает и отвечает автор. И, памятуя о том, что на одного работающего в нашей стране — один торгаш, он прав.

В этом же плане очень характерен отрывок из диалога внучки с бабушкой, закончившей в прошлом ракетостроительный факультет с красным дипломом, когда на ее вопрос: «И чему вас там учат?..» внучка отвечает: «Не знаю, бабуля, еще не поняла. Но разве в этом смысл жизни современной? Мне надо фигуру совершенствовать, приискивать мужа-миллионера, а за диплом папаша, твой сынок, заплатит из доходов своего бизнеса». «Да, Дашенька, меняются времена. А вот и папа твой к обеду пришел. То-то подгнившими бананами запахло...»

И еще из одного сна — «...Главное, чтобы не торопился с официальной женитьбой, а то молодуха мигом доведет его до торговли бананами!»

Но есть, есть еще у нас настоящее юношество, есть, хоть и малочисленное, утверждает в романе автор, «что искренне жаждет приобретения знаний...», несмотря на «препятствия на пути: профессора, от низкого жалованья неаккуратно, с отвращением бормочущие свои докуки-лекции; вузовская администрация, видящая в студентах не людей, но только источник внебюджетного финансирования; полное отсутствие перспектив применения полученных знаний после окончания обучения, на заразу болонского процесса с его ущербным бакалавриатом, никому не нужной магистратурой, на балльное крохоборство...»

И в ответ на это (видимо, во сне было найдено удачное решение) снится полковнику Хмурову следующий сон — где герои антиболонского похода серьезно обсуждают сдачу противнику в плен, чтобы их потом обменяли на министра обрнауки. «Мы с тобой возвратимся в свой Тулуповск, а министра, как выдающегося реформатора, ставят ректором Болонского университета». Ибо, как говорит полковник Хмуров в своем следующем сне, выступая перед антиболонской армией добровольцев: «...Их задача — добить наше образование и науку, оставить только подготовку юристов, бухгалтеров и содержателей публичных домов. Нас становиться все меньше и

меньше, но пока мы чувствуем спины друг друга, сплотившись и ощерившись нашим оружием — знаниями, мы не покинем тонущий корабль науки и образования, хотя бы даже нижние чины этого корабля, то есть современные студенты, ленивы и нелюбопытны, а также изрядно наглы и хамоваты...»

Есть момент, который тоже не способствует улучшению положения вещей. В вузах число административных работников уже превышает профессорско-преподавательский состав. И все бы ничего, да на деле получается, что чем их больше, тем все становится бестолковее в Тулуповске. Завкафедрой Дьяконова раздражают показушные конкурсы, сборники, энциклопедии и так далее, все то, что отрывает преподавателей от учебного процесса, являясь по сути лишь прикрытием для «рубки бюджетной капюты» или возможности частным издательским лавочкам заработать с соответствующим «откатом». И самое главное, все вышеперечисленное ведет только к одному — к неуклонному снижению качества образования при том, что зарплаты административных работников в разы больше, чем у профессоров.

Алексее Яшину свойственен юмор. Да и как без умного юмора относиться ко многим тулуповским явлениям. Таким, как, например, прямая пропорциональность количества выпускаемых университетом юристов количеству преступников и обратная пропорциональность количества выпускаемых экономистов уровню экономического развития. Как верно подмечено: «Ребята вполне серьезно обсуждали: куда идти работать после окончания университета — в адвокатуру или в милицию? Вполне здраво рассуждали, явно не по юным годам; у адвокатов, конечно, доход большой и, главное, легальный, но надо много головой работать, выискивая лазейки для оправдания убийц и знатных воров. А голова — она не лошадиная, ее беречь надо. А вот в милиции доход тоже не меньший, зато утруждать себя работой не нужно. Но можно попасть в число стрелочников в месячник борьбы с коррупцией...» Мы видим глубоко меркантильное мышление наряду со слишком свободными современными отношениями.

Автор отмечает также, что тулуповская университетская жизнь не «отличается в части мытарств... с бедственным обиванием «высоких» порогов и парадных подъездов капитаном Копейкиным», героем поэмы Н. Гоголя «Мертвые души».

Хочется обратить внимание на доскональное знание города и его районов, особенно тех, где жил и работал, живет и работает Николай Андреянович, начиная с возраста, когда его еще звали Николка; на любовь к родным местам. Это тоже подтверждение равнодушия и неотстраненности, что свойственно схоластическому мышлению многих «делателей», а, наоборот, сродненности, укорененности и отсюда боль от всего недоброго, неправдивого, недостойного и несправедливого и, наоборот, радости за все хорошее.

Сюда можно отнести, назовем так, поэму «зеленки» — места с травяным покровом, обсаженного деревьями, где было и небольшое поле для футбола и волейбольная и баскетбольная площадки, и агитплощадки с десятком скамеек и со сценой, на которой проводились концерты по праздникам, с которого звучали стихи молодых поэтов литобъединения из ДК, и выступал лектор общества «Знание», и политинформатор. Это было местом общения жителей района, где протекала своя особая в разные часы суток жизнь, в которой объединяющими были соседские: взаимный интерес, сочувствие, взаимопомощь, да и просто общение. То есть всего того, чего так не хватает в современной жизни, когда зачастую и соседи по лестничной площадке не здороваются друг с другом. Это было и местом проявления различных индивидуальностей, как неотъемлемой части общезития (ведь и сама «зеленка» была по сути такой частью общего жития). Это и разновозрастная детвора, и Томка с Вовкой, как и всякие друзья детства, запомнившиеся на всю жизнь. И участковый Пал Никитич, и

штатный дворник и пьяница — несмотря на то, ответственный по своей внутренней установке за все, происходящее на «зеленке», — Трофим, и по ошибке отсидевший срок Витька Манохин, и студент Серега Варфоломеев. Здесь и бабы-соседки, и студентки со старшими школьницами, с увлечением читающие свежие номера «Юности» и стихи Е. Евтушенко и А. Вознесенского, и работяги-мужики с металлургического, и учитель на пенсии Григорий Кузьмич, и даже умный пес Верный. Все эти образы настолько хорошо быстрыми и точными литературными мазками выписаны А. Яшиным, что надолго запомнятся читателям и будут неизменно рождать в них и свои собственные воспоминания.

«Где же ты теперь, зеленка?» — слышится ностальгический вопрос между строк романа. И в ответ: «...Нет теперь такой. Еще в середине девяностых косолученский авторитет Федька Ржаний, ныне предприниматель и депутат... Федор Андреевич Ржанов, отчуждил зеленку от коммунхоза, обнес по периметру трехметровым кирпичным забором, а за забором поставил трехэтажный особняк, рядом гаражи на три машины, а на оставшейся территории разбил сад с аллеями, фонтан с летним открытым бассейном. Плакала наша зеленка».

А что же теперь в Тулуповске вместо «зеленок» там, где они не были «прихвачены»? Теперь на их месте — помойки. Помойки и становятся местами общения жителей квартала. И мы читаем в романе антипоэму «Помойка». У помойки близ дома Николая Андреевича выведены наружу трубы теплотрассы. Теплые трубы привлекают школьников и уличных котов, тут же и недолгие выгулы собак и собачек всех пород, попеременно справляющих свою нужду. Здесь же сидят муниципальные рабочие в оранжевых жилетах — гастарбайтеры из Средней Азии и местные, частенько равнодушные к «зеленому змию». Недалеко живет Зинка, окормляющая пьющий народ разбавленным дешевым спиртом. Помойка является местом встреч, а то и знакомств, во время выноса мусора. А вот и Нелька с Наташкой — «двадцатипятилетние честные содержанки», проживающие в соседних домах, которые после рабочей ночи «созвонились и вышли подышать свежим воздухом: на народ посмотреть и себя показать».

Но вот происходит нечто интересное возле контейнера, что привлекает внимание всех: «бомжи — двое мужиков и баба — что-то нашли, из-за чего слегка разодрались». Тут же ведут дискуссии и два пенсионера — оба отставные инженеры: один — сталинист, другой вроде как либерал. «Иногда соглашаются, но бывает и слегка переругиваются». Кот Баюн слушает, «набирается ума-разума в человеческих делах».

«А влево от помойки на толстой магистральной трубе... расселись отучившиеся на сегодня школьники и школьницы... Школьники... курят, пьют пепси-колу, а кто и пиво, матерятся. Школьницы же во все глаза наблюдают за Нелькой и Наташкой, профессия которых им хорошо известна — в одном квартале живут. Учатся впрок их манерам. Пригодится...»

Николай Андреевич всю свою жизнь до перехода на преподавательскую работу, как и сам Алексей Яшин, работал на оборону страны. Он знает все досконально по работе на оборонном НПО. И автор об этом периоде жизни своего героя повествует подробно и с любовью, как можно говорить лишь о родной семье, о доме. «...Приходили сюда молодыми специалистами, выпускниками военно-технического факультета, а прощались со вторым, может, и первым домом, уже далеко за пенсионным возрастом». С такой же любовью автор говорит и о кузнице оборонных кадров не только города, но и страны. «Все друг друга знают по студенческим годам в 1-м корпусе — солидном «сталинском здании с дорическими колоннами и массивным фронтоном». В его словах звучит и гордость за свой труд, за «изделия», которые идут на параде на Красной площади. И неизбежная боль за то, что вот уже «почти два-

дцать лет с грехом пополам прежние, советских времен разработки» все пытаются довести до серийного производства, но почти ничего не получается. А причины — кадры, которые, как известно, решают все, и которых «в нашем «лесу» кот наплакал...» Ведь молодые в массовом порядке после окончания факультета уходят либо в торговлю, либо в офисные работники. На этом фоне патриоты — герои романа как удар восприняли закрытие Тулуповского артиллерийского института. И как иначе они могли воспринять это действие по отношению к старейшему оборонному вузу?

«У России два союзника: армия и флот» — говорили мудрые люди. Но до недавнего времени обороне уделялось недостаточно внимание. Это отразилось и в следующем: на ракетостроительный факультет (!) конкурса при поступлении почти что и нет. Вот и приходится «брать всякую шелупонь, что в другие места по своим ничтожным баллам не проходят...» Нет мотивации идти на эти специальности — «денег не поимеешь... и непрестижно» (?!).

«Сны и явь полковника Хмурова» — роман, впрочем, как и все творчество А. А. Яшина, патриотический, пронизанный любовью к народу и Отечеству. А что является основой такой любви, как не слово, вера и семья? Поэтому Николай Андреевич и ополчается против засилия иноземных слов: бизнесмен, менеджмент, олигарх, франчайзинг, сити-менеджер и прочих. Как будто в великом гармоничном вселенском русском языке нет своих соответствующих слов? Да и о чем мы говорим? — так и слышится вопрос автора. У них ведь и память-то компьютерная на отдельные слова и слоганы, птичий, компьютерный и матершинный язык.

Слово всесильно, а еще сильнее воздействие на подсознание образов и иных невербальных приемов, чем избылуют многие телевизионные программы, рождая веру в «золотого тельца», в «счастье» (а вернее в скотство бесконечного потребления), разрушая семью. «Что поделаешь, телеящик, прикажи ему, кто имеет на это право, все население не то что страны, но и всего мира в зомби превратит! Против лома, то есть телевизионного психотронного оружия, нет приема», — думает Николай Андреевич. — «... Может крестом себя осенить?..»

Кстати, Алексей Яшин очень точно подметил одно на первый взгляд странное явление — особый девичий язык. «Нет, даже не своеобразная фонетика речи, скорее что-то похожее на акцент... То есть все девицы, начиная со среднечлассного и где-то лет до двадцати пяти — двадцати шести, причем по всей стране... говорят как-то не так, не совсем с русским прононсом. Очень похожее на речь грамотно изучивших наш язык иностранцев, точнее американцев. Во-первых, создается впечатление, что во рту у них перекачивается горячая картофелина; во-вторых, говорят очень бойко, почти скороговоркой, но вовсе безэмоционально, зато, опять же, не по-русски, в конце произнесенной на едином дыхании фразы делается вопросительно-восклицательное ударение... Откуда все это в них? От кого пошло-приехало?.. Ведь парни... ничего, по-русски говорят?.. Но почему девицы разговаривают с акцентом?» Интересное явление, отметим вслед за автором, есть над чем подумать, особенно если учесть, что возраст таких девушек — это возраст влюблений и далее ухаживаний, и далее выхода замуж, то есть возраст, как в народе говорят, «охмурения» ребят и молодых людей. А потом этот говор исчезает, как правило.

Большое внимание и, как мы увидим чуть позже, не зря автор уделяет виртуализации социума. «Этот чертов компьютер и суточные «сидения» в Интернете, при всей их полезности, конечно, страшное дело с человеком делают, — жалуется Эдик-аспирант, — начинаешь ощущать себя вроде как одиночкой, ото всего изолированной единицей. Среди людей, событий и предметов живешь, но все это, даже в каком-то смысле отец с матерью и сестра, бабуля тож, кажутся... некими посторонними. По-

рой до дикости в мыслях доходит: думаю, вот дотронусь пальцем до кого-нибудь, а палец пройдет через них».

И самое страшное то, что это чувство одиночки, то есть, я и виртуальный мир (а значит, я — бог) ведет ни к чему другому, как ко вседозволенности и к чувству безнаказанности. И автор рисует нам, к чему это может привести в исторической перспективе, рисует через сон полковника Хмурова о ноосферном будущем Земли.

Жестокий глобализм, как автоматическая мясорубка, с хрустом и безостановочно перемалывающий и традиции, и культурные ценности, и саму личность-одиночку в угоду единственной идее-фикс — целесообразности, может повлечь за собой только одно — царство иерархии машин, где роль человека сведена к комедийному присутствию на Земле специально разводимых как раритетные животные представителей исчезнувшего вида — сотни людей, якобы правителей. Что еще более подчеркивает сугубо машинную суть цивилизации. В царстве такого разума нет и не может быть места человеку, его душе, его горячо бьющемуся, болющему за все и любящему сердцу. Потому полковник, хотя и во сне, «вмиг протрезвевший вскочил с диванчика, чувствуя: сейчас либо сойдет с ума, либо... жаль пистолетов на этой планете давно нет в обиходе! Впервые в жизни brave полковник зарыдал...»

Такое будущее не нравится и автору, все творчество которого говорит о необходимости очеловечивания всех процессов, происходящих вокруг, и одухотворения самого человека и его жизни; о необходимости изменения состояния вещей и в СМИ, где все подчинено рекламе и потребительскому духу, и в образовании с его обезьянничанием «с американского»; и в армии, которая является зеркальным отражением всего общества; и в научной и околонаучной среде, где «академиком» уже стало больше, чем самих ученых.

Будучи по происхождению из рода староверов и некрещеный автор, тем не менее, говоря устами доцента-патриота Язвина, считает, что именно враги Православия «проводят линию на огосударствление церкви... приравнивание ее руководства к самым высшим гражданским чиновникам...» И все это для того, «чтобы по религиозной линии столкнуть русское и мусульманское населения». И еще такая характерная деталь, автор романа не понимает, как можно допускать полупьяных матерящихся строителей до такого святого дела, как возведение здания храма. И все это в студенческом городке на глазах и на слуху у молодежи.

Алексей Яшин не приемлет и показную религиозность «до мозга костей» (по образу мыслей и жизни) атеистичных чиновников. Он обращает наше внимание также и на пустоту храмов. Да как же иначе может быть, если божком современных людей стал телевизор с его бесконечными сериалами, телешоу и передачами о том, как украть миллион, а у молодежи — «комп», Интернет и доллар.

Возмущаемся вместе с автором и глобальной толерантностью. Какая может быть толерантность, когда кругом засилие потребительства, идолопоклонства, блуда, порнографии, наркомании, алкоголизма, лжеценностей, россиефобства, пофигизма, бесхозяйственности и пр., и пр.?!

Вот, в частности, в окрестностях Тулуповска — красивые сельские виды: «Ни тракторов грохочущих с комбайнами, бывшие поля превратились в ромашковые луга... Картохи для едова сельчане накопают в своем огороде, а в городские овощные лавки ее завозят из Италии и Белоруссии...»

На страницах романа, что свойственно Алексею Яшину, мы находим любовно написанные образы людей, близких его сердцу. Это Николай Андреевич и его коллеги по кафедре доценты Яцышен и полковник Хмуров, доцент-патриот с медико-

физкультурного Язвишин, и заведующий кафедрой Дьяконов, и аспирант Эдька, и секретарь кафедры Марина Евгеньевна... Но есть еще образы, которые выписаны автором с особой привязанностью. Это простые люди — старший лаборант Прокофьяч и курьерша Вера Тимофеевна, люди послепенсионного возраста, но продолжающие работать и в силу небольшой пенсии, и потому, что не привыкли они как-то без работы, без движения.

Так, «пятьдесят лет трудится университетская письмоносица Вера Тимофеевна в своей непрестижной деятельности», которая «за время своей службы... два с половиной раза обошла нашу... планету по экватору!» И за все эти годы она отличалась неизменностью одежды и всего внешнего облика, и тем, что ни разу (!) не взяла больничный. Как этот образ говорит нам всем о пользе аскетизма, который отнюдь не есть нищета, но и не богатство в его кичливости, о пользе во всем, в том числе и для здоровья!

Не менее интересен образ семидесятипятилетнего старшего лаборанта «из отставников невысокого чина, как то принято на военно-технических кафедрах», Прокофьяча. Читатель через этот образ ощущает теплоту, почти семейную атмосферу на кафедре.

Красной нитью через роман проходит мысль о том, что во все времена были люди хорошие и плохие, порядочные и не очень, а то и совсем непорядочные. Но вот общее отношение человека к жизни и к работе, к народу, к обществу и к стране, друг ко другу отличается в наше время от прошлого, как земля от неба.

Роман — это во многом ностальгия по прошлому, когда о людях меньше говорили, но больше для них делали. Взять хотя бы металлические ограждающие сетки шириной до метра, закрепленные на вмурованных в стену кронштейнах через этаж на всех высотках в стране, чтобы предотвратить суицид или случайное падение человека. Сейчас много говорится о суициде, но не делается даже элементарного.

Автор ставит во главу угла человеческую душу, которую невозможно ни убить, ни заморозить, ни одурманить, пока в ней жив высший божественный образ, о котором прямо можно не говорить, но о котором свидетельствуют любовь, сострадание и даже жалость к братьям нашим меньшим.

Холодно Николаю Андреяновичу в нынешнем Тулуповске, холодно по многим причинам, и больно за многое, но у него, тем не менее, хватает душевного тепла не только для родного города и его жителей, но и для домашнего кота, зябнувшего зимними вечерами, не имея возможности согреться ни у чуть теплых батарей, ни под холодной ртутной настольной лампой. О горячих батареях он на своем недолгом кошачьем веку, конечно, не знает, но вот о пышущей жаром простой лампочке накаливания он помнит хорошо — ведь они были совсем еще недавно.

В заключение скажем — роман «Сны и явь полковника Хмурова» получился. Роман интересен, оптимистичен, увлекает, научает, делает нас более человечными, более патриотичными. Прочитав, читатель понимает, что пока живы такие люди, как его герои, альтер-эго Алексея Яшина, все в итоге будет хорошо. И если бы полки книжных магазинов и библиотек были наполнены произведениями подобного плана, то жизнь в Тулуповске и далеко за его пределами стала бы намного лучше, ибо все изменения начинаются, прежде всего в сердцах и головах людей — каждого из нас, дорогой читатель!

Ярослав Брагин, г. Тула.

О РАССКАЗАХ ТАТЬЯНЫ КАМАЕВОЙ «ЦЫГАНСКАЯ ЛЮБОВЬ» И «ПРОДАЮ ДЕВСТВЕННОСТЬ»

Я внимательно слежу за творчеством Татьяны Камаевой, прозаика, члена Союза писателей России и Творческого клуба «Московский Парнас», автора книги рассказов «Путь к себе».

И приятно, что два рассказа из этой книги — «Цыганская любовь» и «Продаю девственность» — опубликованы в серьезном художественно-публицистическом журнале «Приокские зори».

В основе обоих рассказов — житейские истории, но главное, что привлекает читательское внимание, — так это то, что автор точно, верно дает психологические ситуации, выпукло, зримо рисует своих героинь.

Катерина («Цыганская любовь») находит свое счастье с цыганом Михаилом, но не просто далось ей это счастье.

Рассказ захватывает с первых же строк и читается на одном дыхании. Автор держит нас в напряжении до последнего абзаца, и не догадываешься, как он распорядится судьбами своих героев. Но жизнь рукой писателя все расставила по своим местам. Сюжет заканчивается благополучно, что нельзя сказать о рассказе «Продаю девственность».

В этом повествовании Татьяна Камаева затрагивает тему отношений отчима с взрослой падчерицей. После прочтения, трагедия молодой девушки Марины еще долго не оставляет читателя в покое.

Надо отметить, что оба рассказа написаны простым, выразительным языком. В каждом есть размышления автора о смысле жизни, об одиночестве в большом городе, о кризисе и о любви. Татьяна Камаева не только ставит вопросы, но и ищет ответы на них, а иногда прямо и четко, что свойственно ее натуре, дает ответы. «Кризис — это не смерть, переживем. Страшнее всего потерять любовь... Если в душе нет любви, то жизнь этого человека становится черно-белой, его не волнуют облака, звезды, а дождь для него — это не разноцветные капельки с неба, а слякоть и грязь» («Цыганская любовь»). Или в рассказе «Продаю девственность»: «...может быть, и не надо стремиться к лучшему, не надо вести здоровый образ жизни, пытаться что-то изменить, поправить, если за тебя уже кто-то там, высоко-высоко, все решил. Может быть, положиться на судьбу и ждать, куда вынесет тебя кривая жизни? Кажется, что там, на небесах, не взяли во внимание способность человека силой воли усмирять свои страсти, похоти и желания. Это Человек решает протянуть руку помощи или подставить подножку. Из любого положения есть минимум два выхода, и Человек сам делает выбор. Смелые люди выбирают жизнь и живут, а не наживают. Они не боятся завтрашнего дня. Деньги, кризисы были и будут всегда, а жизнь — одна. Надо уметь жить и находить позитив даже в неудачах, разводах, безысходности, болезни, неразделенной любви...»

Уже по этим двум рассказам можно с уверенностью говорить, что перед нами состоявшийся прозаик. Она в последние два года активно печатается в альманахе «Московский Парнас». Ее рассказ «Медовый месяц» переведен на болгарский язык и опубликован в Варне.

Мы вправе ожидать от нее новых успехов на трудном прозаическом поприще.

*Кирилл УСАНИН, член СП СССР с 1975 года и
Творческого клуба «Московский Парнас», г. Москва*

О КНИГЕ РАССКАЗОВ ГЕННАДИЯ МАРКИНА

В литературных кругах города произошло событие: вышел в свет сборник рассказов Геннадия Маркина.

Почему выход этой небольшой по формату книги, объемом в 136 страниц и тиражом в 100 экземпляров стал событием? Попробую объяснить.

Дело в том, что сейчас выходит очень много сборников прозы и поэзии, которые не отвечают требованиям высокой литературы. Иметь собственную книгу стало модным и престижным. А поскольку они в основном издаются на собственные средства авторов, то и требования к ним снижены до предела. В последнее время довольно часто можно встретить малохудожественные произведения, захламляющие полки библиотек и книжных магазинов. В противоположность такому засилью откровенной макулатуры, книга Маркина порадовала тем, что вышла под логотипом «Библиотека журнала «Приокские зори», и это приобщение к уважаемому изданию придало ей солидность.

И более того, книга выпущена к «столетию ухода Льва Николаевича Толстого» из Ясной Поляны. Мне всегда казалось, что исторические рассказы и романы пишут седовласые мудрецы, которые не отрываются от письменного стола. Поэтому было интересно, что же нового может сказать непрофессиональный писатель, для которого литература является лишь увлечением? Тем более, что на заседаниях тульского областного литературного объединения «Пегас» Геннадия Маркина довольно часто критиковали, но к его чести, критику эту он всегда принимал с благодарностью.

С первого же рассказа «Марфина шахта» чувствуется колорит эпохи конца 19 — начала 20 веков. Неторопливо начинает разворачиваться сюжет, вводя читателя в события давней поры. И уже не оторваться от конкретных имен, названий, приключений простых рудокопов. С каждой строчкой понимаешь, что рассказ написан мастерски, с юмором и доброй улыбкой автора, хотя и граничит с трагикомизмом. Рассказ явно относится к деревенским анекдотам и побывальщине, хотя основан на реальных фактах.

Характерной особенностью Маркина-рассказчика является умение перевоплотиться в своих героев и заставить поверить им безоговорочно. Так и кажется, что на арене цирка появится, например, огромный негр, поднимающий коня на свои плечи или сидящий на самодельном стуле дед, поющий залихватские частушки на ярмарке. Эти сцены подробно описаны в рассказе «Русские забавы» и делают нас свидетелями подобных событий.

Издrevле на Руси существовала забава ходить «стенка на стенку». И, увидев в цирке могучего негра с конем на плечах, крапивенский мужик Прошка Фролов решил с его помощью одолеть местного силача Ивана Колокольчикова. Но негр так и не одолел его, как, впрочем, до конца не понял и русскую забаву: почему на Руси принято на праздники драться, а не радоваться.

Рассказ изобилует описаниями картин праздника Масленицы: солнечный, словно на заказ, день: плачущие слезами-капельями под лучами «серебряные сосульки», спасающийся от весеннего солнца снег, превратившийся в маленькие журчащие ручейки, выставленный на продажу товар, прохаживающие вдоль прилавков купцы.

Праздник чувствуется во всем: в базарной толчее и в залихватской игре гармошки, в пении стариком частушек и в попытке мужика влезть за призом на столб.

Кажется, что здесь необычного? Нам давно известно, о чем написал Маркин. Но, в том-то и дело, КАКИМИ словами он донес до читателя красоту праздничного дня, которому радуется даже солнце! Природа в этом случае помогает нам глубже понять внутренний мир русского человека, его широту души и разухабистость натуры.

В разговорный текст героев он вводит забытые и мало употребляемые слова, архаизмы, которые и придают рассказу привлекательность — «надьсы», «сказывал», «нужлить», «Петербурх», «можа». Автор ненавязчиво подчеркивает, что склад их речи носит чисто русский характер и имеет свою диалектную принадлежность.

Он умело пользуется устойчивыми тропами, употребляемыми в бытовой речи: «ходовой товар», «овчинный тулуп», «обозный завод», «базарная толчея» и олицетворяющими метафорами, типа: «заплакали серебряные сосульки», «сбежал рыхлый снег», «ветер бил в лицо».

Эти два рассказа являются как бы предисловием к вдумчивому осмыслению последующих рассказов о нашем знаменитом земляке Льве Толстом. Серьезность темы, на которую замахнулся автор, заставляет более глубоко вникать в ее суть.

«Обвиняемый Толстой», «Встреча», «В напрасных поисках истины» — цикл рассказов о Толстом, объединенных одним жанром, одной темой, где основным героем является Лев Николаевич. Он — центр всей композиции, а его непосредственные переживания и поступки изображены в преломлении событий, описанных Маркиным.

Эти переживания, мысли и чувства столь сложны и многообразны, что перед нами встает образ иного Толстого — более земного, я бы сказала, более сентиментального и даже несколько беспомощного. Грани его характера раскрываются не в одно мгновение, а постепенно, в развитии сюжета, то есть в событийном аспекте рассказов.

В рассказе «Обвиняемый Толстой» мы видим законопослушного гражданина России, понимающего серьезность обвинения в его адрес. А суть рассказа незамысловата. На территории имения хозяйский бык до смерти «забрухал» крестьянина Матвея. И, несмотря на уже мировую известность, с Толстого была взята «подписка о неотлучении с места жительства впредь до окончания дела». Подписав ее, граф пришел в сильное эмоциональное возбуждение и даже намеревался покинуть Ясную Поляну и переехать жить в Англию, где бы он мог без проблем заниматься своим основным делом жизни — писать.

Но Толстой, понимает, что ему нет жизни без России и своей Ясной Поляны и поэтому должен подчиниться закону. Будучи под подпиской о «неотлучении» или о невыезде, писатель не смог присутствовать на заседании Тульского окружного суда, и был оштрафован. Двоякость и непродуманность российских законов возмутила его. Находясь под следствием, Толстой на себе испытал несправедливость и пришел к выводу, что «система привлечения к уголовной ответственности» в России несовершенна.

В знак протеста он подал прошение об отставке с должности участкового мирового судьи Крапивенского уезда.

Маркину, как юристу, близка и понятна эта тема, которая, впрочем, мало изменилась с толстовских времен. Показывая размышления великого писателя над проблемами, которые его волнуют, автор дает понять, что мысли Толстого созвучны нашей эпохе и его собственным, верны и актуальны, а главное — применимы и сейчас. Подобно часовому мастеру, на слух определяющему собой механизма, Лев Николаевич интуитивно определяет неполадки в механизме государства.

Образ Толстого предстает перед нами не в догматической форме, а наоборот, понятным и простым. Интересен, на мой взгляд, подход Маркина к описанию его ночных раздумий. Для более сильного воздействия, автор вводит в текст картину грозы. Протицирую лишь небольшой отрывок.

«Ночью неожиданно поднялся сильный ветер и пошел дождь, который под шквальным порывистым ветром бил своими холодными струйками в окно, стучал по подоконнику, барабанил по железной крыше флигеля, грязным ручьем бежал вниз по «прешпекту» и стекал в Большой пруд, где растворялся в недовольно бурлящей и вздувшейся пузырями темной мутной воде. Озарив на мгновение яркой вспышкой черное ночное небо, вспыхнула и погасла молния, и в тот же миг, оглушая округу раскатным грохотом из поднебесья, разразилась гроза. Льву Толстому не спалось».

Могу отметить здесь удачную аналогию природной стихии и бушующих в голове Толстого мыслей. Градация грозы усиливает эмоциональное состояние героя.

Нельзя не отметить в рассказе речевые обороты крестьян, чьи образы так выпук-

ло предстают перед нами. Истинно русский говор центральной России, словно хорошая песня радует душу.

В диалогах крапивенских мужиков с доктором, самим Львом Николаевичем, исправником, нет ничего лишнего, нет подобострастия или униженности. Речь крестьянина Семена из сельца Ясная Поляна изобилует просторечными выражениями. На вопрос доктора, чей же бык покалечил Матвея, Семен отвечает:

«Графской. Надысь и брата евонова, Ивана, тоже брухал. Насилу отогнали, а то, как Матвея досмерти закатал бы. Буйная скотина».

Значимость образов крестьян именно в своеобразной речи, в которой заложена многовековая мудрость поколений. И это придает всем рассказам особый отпечаток красочности и образности.

Рассказ «Встреча» подкупает искренностью и человечностью. Молодой лезгин Магомед Эфендиев был осужден на десять лет за кражу невесты и отбывал свой срок в крапивенской уездной тюрьме. За усердие, чистоплотность и безупречное поведение он был переведен истопником в городское правление. Летом же он выполнял различные поручения, помогал в усадьбах чиновников, ходил на почту за корреспонденцией, где знакомился с крестьянами. Глава города Крапивны Юдин взял его своим помощником и даже назначил жалованье. В одной из поездок на станцию Щекино Юдин познакомил Магомеда с Львом Николаевичем Толстым. Эта судьбоносная встреча сыграла огромную роль в жизни осужденного.

Не зная Магомеда близко, Толстой поручился за него, проявив тем самым проникательность и понимание души человека. Казалось бы, что ему до какого-то осужденного кавказца, но Лев Николаевич забрал его в имение, чтобы обучить грамоте.

Беседуя во время конных прогулок с Магомедом, раскрывает великий писатель взгляды на то, для каких целей должен существовать человек на этом свете.

«Каждый человек — алмаз, который может очистить или не очистить себя», — внушал Магомеду Толстой.

При этом автор книги как бы уравнивает и Толстого, и Магомеда в их диалогах. Толстой говорит понятным языком даже для человека другой национальности, у него преобладает разговорно-бытовая речь, которая и сближает беседующих и создает ощущение правдивости и естественности. И мы верим, что свет огромной души Толстого и уроки его доброты всю жизнь будут согревать и направлять на добрые поступки лезгинца Магомеда.

Но, пожалуй, главенствующим в этой книге является рассказ, название которого вынесено в заглавие книги «В напрасных поисках истины».

Маркин создает не только исторический, но и художественный образ Толстого, наполняя его простотой, а так же смысловой и эстетической обостренностью. Мне, как читателю, было интересно, не занижен ли этот образ, нашел ли автор те слова и характеристики великого мыслителя, которые, возможно, или восхитят меня, или разочаруют.

Уверяю, произошло то, чего я внутренне ожидала, зная Геннадия Николаевича, как прозаика. После прочтения книги осталось чувство удивления от серьезного изучения автором образа Льва Толстого. Я словно окунулась в воздух эпохи, в мироощущения гения, в его душевные метания и переживания. Маркин безошибочно угадал, какие слова, термины, речевые обороты и художественные средства нужны для раскрытия сложнейшего периода великого писателя. Как реалист-писатель, Маркин изучил и воссоздал конкретно-исторических людей, особенно Льва Николаевича Толстого, показал его образ в развитии и в присущих ему заблуждениях.

Толстой, многие годы потративший на изучение сущности религиозного верования и определение Бога, так и не вырвался из своих противоречий. Религию он стремился свести к этике, видя в ней науку о том, как правильно жить и общаться людям на Земле, а не в царстве Божьем. И как религиозный реформатор, потерпел неудачу. В конце жизни он лихорадочно искал выход своим сомнениям.

В рассказе самым примечательным местом я бы назвала эпизод встречи Льва Николаевича со своей любимой сестрой, монахиней Шамординской женской обители — Марией. Сколько тепла, естественности, спокойствия в сцене встречи брата и сестры! Именно к ней он приехал за духовным успокоением, и только любящая сестра напрямик может сказать: «Ты блуждаешь в напрасных поисках истины, а вся истина в вере». С достоинством и печалью Мария относится к трагедии брата, стараясь облегчить ее и наставить его на путь веры. Но даже видя, что ей не удастся этого сделать, она с любовью прощает ему неверие.

В рассказе ярко очерчены другие персонажи: Владимира Черткова, доктора Маковицкого, ротмистра Бегичева. Автор вводит в повествование, например, рабочего Тимофея Борисова, беседующего с Толстым в поезде, старцев Иосифа, Варсонофия и многих других. Маркин умеет раскрыть характер героя несколькими штрихами и подчеркнуть, при этом, свое отношение к нему.

Например, для Черткова применяет не очень лестные выражения: «особенной любовью к ближнему он не отличался», «ему были чужды и ненавистны люди, занимавшие государственные посты», «с ненавистью проговорил» и т.д.

В этом же рассказе, есть замечательный эпизод беседы жандарма Бегичева с Толстым во сне. Им не удалось побеседовать наяву, но желание было столь велико, что сознание воссоздало картину встречи ротмистра с великим мыслителем. Беседа во сне заставила Бегичева по-иному взглянуть на уход Толстого из Ясной Поляны и глубже понять его трагедию.

Нравственно-философское повествование неугомонной природы главного героя, создает реалистическую картину последних дней Льва Николаевича Толстого. И так ли уж напрасны были его поиски истины?

С первых страниц становится ясно, что это не легковесная беллетристика, а полноценный труд, основанный на изучении архивных документов и авторской фантазии.

Чувство меры и точности воспроизведения картин прошлого заставляют верить, что книга придется по вкусу даже самому требовательному читателю. У меня книга оставила чувство основательности, продуманности и мастерства автора. В книге нет надоевших литературных штампов, поэтому читается она с удовольствием и интересом.

Благодаря Маркину-историку, передо мной еще ярче открылись душевные и нравственные черты величайшего гения России — Льва Николаевича Толстого.

Три последних документальных рассказа — «Алтуховский Каин», «Презумпция невиновности» и «На страже закона и общественной тишины» — о происшествиях и жителях уездного городка Крапивна в дореволюционный период России. Автор бережно отнесся к цитированию архивных документов, сохранив орфографию, и стиль речи своих героев. Для смысловой характеристики он употребил предметную детализацию бытовой обстановки: «...в Крапивне изготавливались телеги и сани, распротранялись бондарный промысел, изготавливались кадушки, бочки, обручи для тележных колес. В деревнях плелись корзины, лукошки, лапти и рыболовные сети...»

Именно предметные детали, повторяемые неоднократно, делают произведение художественным, свежим и ярким. По определению самого Льва Толстого, такое качество словесного творчества признается им одним из высших явлений художественной словесности и основной формой повествования. И мы видим, что Маркин не скупится на описания подобного рода.

Я не ставила целью провести критический разбор произведений, думаю, что для этого существуют профессиональные литературоведы, которые дадут новую оценку творчеству Маркина. Рискну предположить, что меня обвинят в излишних подробностях анализа рассказов автора. Целью настоящей рецензии было сфокусировать внимание на оттенки таланта автора Геннадия Маркина, который, надеюсь, еще не раз порадует нас своими произведениями.

Ольга Бугримова, г. Тула